

ТЯЖБА О НЕБЫТИИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВА

Григорий Дитятев

Статья посвящена анализу и переоценке идей выдающегося российского философа и логика, профессора Казанского университета Н.А. Васильева (1880–1940). Сделав обзор основных трактовок его творчества в историко-философской литературе, автор пришел к заключению, что наследие Васильева следует рассматривать не только в ракурсе обоснования и развития неаристотелевой логики, но и в более широком контексте, акцентируя внимание на глубоком философском, прежде всего онтологическом, содержании его концепции. В статье показывается, что истолкование Васильевым противоречия как основания логического отрицания позволило ему придти к принципиально новому взгляду на онтологическое содержание понятия «небытие». В результате небытие стало осмысливаться в качестве дополнения, взятого как субъект-противоречие, к бытию. Васильев сумел разработать оригинальную трактовку формы диалектического, т.е. связанного с объективной реальностью, противоречия как небытия, являющегося отрицательной частью сущего, сосредоточенной в действующем субъекте. Таким образом, полагает автор статьи, Васильева следует считать основоположником новой традиции онтологизации небытия, существенно отличающейся от получившей распространение в Новое время романтической традиции. Делается вывод, что идейное наследие Васильева весьма значимо и в настоящее время для развития самобытной отечественной философской традиции, в частности русского космизма. Отмечается, что воображаемая логика Васильева имеет и самостоятельную ценность, так как представляет собой убедительную имманентную критику формальной логики Аристотеля, попытку ее приспособления к новой, ньютоно-картезианской картине мира.

Ключевые слова: неаристотелева логика, небытие, противоречие, русский космизм, онтология, русская философия, Н.А. Васильев.

Северный государственный медицинский университет (г. Архангельск)

This article analyzes and reassesses the ideas of the outstanding Russian philosopher and logician, professor at Kazan University, N.A. Vasiliev (1880–1940). After reviewing the main interpretations of his work in the historical and philosophical literature, the author of the article argues that Vasiliev's theoretical legacy should be considered not only in terms of the justification and development of non-Aristotelian logic, but also in a broader context, emphasizing the profound philosophical, primarily ontological, content of his concept. The article demonstrates that Vasiliev's interpretation of contradiction as the basis of logical negation allowed him to develop a fundamentally new perspective on the ontological content of the concept of "non-being". As a result, non-being began to be understood as a supplement to being, taken as a subject-contradiction. Vasiliev proposed an original interpretation of the dialectical form of contradiction – that is, one connected to objective reality – as non-being, which is the negative part of existence, concentrated in the acting subject. Thus, the author of the article insists that Vasiliev should be considered the founder of a new tradition of ontologizing non-being, significantly different from the Romantic tradition that became widespread in the modern era. He comes to the conclusion that Vasiliev's scientific legacy remains of great importance for the development of the original Russian philosophical tradition, in particular Russian cosmism. It is noted that Vasiliev's imaginary logic also has independent value, since it represents a convincing immanent criticism of Aristotle's formal logic, an attempt to adapt it to the new, Newtonian-Cartesian picture of the world. Moreover, the concept of imaginary logic may be of use for contemporary political reflection, in particular for ideologists of Russian conservatism, as it helps to justify the spiritual and moral guidelines of society.

Keywords: non-Aristotelian logic, non-being, contradiction, Russian cosmism, ontology, Russian philosophy, N.A. Vasiliev.

Несмотря на то, что с момента массового издания основного корпуса сочинений российского и советского логика и философа Николая Александровича Васильева прошло почти сорок лет, его наследие все еще окутано флером таинственности. С одной стороны, заслуги Васильева как одного из основоположников паранепротиворечивой и, возможно, многозначной логики общепризнаны [12; 13]. С другой стороны, на периферии внимания исследователей остается философское содержание его логических идей, в частности тот факт, что в своем универсализме и напоре критика Аристотеля Васильевым поистине уникальна. Васильев вел борьбу с принципом противоречия Аристотеля как с позиций индуктивизма, так и рационально-холистической континентальной традиции.

Нельзя упускать из внимания и тот факт, что помимо трех статей по логике, опубликованных в начале 1910-х гг. в «Логосе», Васильев стал известен также работами в области этики, замечательными философско-поэтическими творениями, созданными в духе романтического символизма [11].

К сожалению, тема «Николай Васильев – выдающийся российский философ начала XX столетия» не получает должного развития. Среди исследований XXI в. удалось найти лишь одну работу, посвященную исследованию не логики, а его философских взглядов, но не затрагивающую онтологической тематики [9].

Как ни парадоксально, более внимательно к философским основаниям концепции Васильева относились в советское время, до того, как его идеи стали широко известными в конце 1980-х гг. Впрочем, они оказывались всегда несовместимыми с теми или иными идеологическими нарративами либо исследовательскими предпочтениями.

В СССР внимание к работам Васильева было связано в основном со становлением проблематики и инструментария диалектической логики, которая, в свою очередь, истолковывалась как методологическая основа научного познания. И здесь роль автора «Воображаемой логики» была заранее предопределена: быть предтечей. Так, П.В. Копнин в своем «Ифановском», задающем тренд интерпретаций сочинения «Диалектика, логика, наука» полностью посвящает его воззрениям – тогда еще советской философской аудитории практически не известным – последний шестой раздел монографии. Копнин анализировал законы логики Васильева, в частности его закон исключенного четвертого. Васильев ограничивал многообразие суждений всего тремя видами: утвердительными, отрицательными и акцидентальными, одно из которых должно быть истинным. С позиций материалистической диалектики Копнин, по сути, априори отказывался признавать ценность его построений: «Таким образом, Н.А. Васильев в своих работах по логике *подошел* к правильной постановке ряда важнейших проблем логики и *в ряде пунктов* справедливо критиковал старую традиционную логику, показав ограниченность, неспособность этой логики решить те проблемы, которые стоят перед ней» [5, курсив мой. – Г.Д.]. В целом же синтетическая философская концепция Васильева, в частности его понимание противоречия как реальной основы логического отрицания, не могла найти поддержки у догматизированной и сциентизированной советской методологии научного познания.

Казалось бы, во времена перестройки, особенно после издания его сочинений в 1989 г., новаторские идеи Васильева должны были обрести новую жизнь. Однако этому не суждено было случиться. В начале 1990-х гг. философский потенциал концепции Васильева был, по сути, «обнулен» вердиктом Н.В. Мотрошиловой. Она упрекнула Васильева в субъективизации противоречий вследствие синтеза идей И. Канта и Г.Ф.В. Гегеля: «Существует достаточно устойчивое мнение о чуть ли не “гегельянском” уклоне васильевского логического проекта. На первый взгляд, для этого имеются основания. Васильев ссылался на “великую диалектику противоречия” Гегеля – в подтверждение самой мысли о возможности одновременно предположить “мир осуществленного противоречия” и сохранить позиции логического мышления. Однако внимательный анализ проекта Васильева, с одной стороны, и гегелевской концепции противоречий, с другой стороны, позволяет выявить их принципиальную, с моей точки зрения, несовместимость – при наличии внешне сходных “мыслительных ходов” и при существовании понятного желания Васильева как бы взять себе в союзники великого Гегеля. Упомянутое внешнее сходство мыслительных ходов Гегеля и Васильева можно видеть разве только в стремлении как бы онтологизировать логическое. Но на этом сходство и кончается. Во-первых, Васильев, что видно из ранее сказанного, прибегает к приемам онтологизирования только в случае закона противоречия и прямо исключает их правомерность в случае других формально-логических законов. Во-вторых, – и это самое важное – у Гегеля “осуществление” противоречия предполагает своеобразную онтологизацию диалектического, а не формально-логического закона противоречия, в чем отличие Гегеля от Канта, который “онтологически” трактует как раз невозможность существования противоположных предикатов (в одной и той же вещи в одно и то же время). Н. Васильев, что очевидно, в этом вопросе следует не за Гегелем, а за Кантом» [8].

Со сравнительной оценкой наследия Васильева и Гегеля Мотрошиловой, на наш взгляд, отчасти можно согласиться, хотя едва ли правильно утверждать, что Васильев онтологизировал лишь закон противоречия, ведь начинал-то он с закона исключенного третьего, однако вывод, возможно, стоило бы сделать противоположный. Крайне важно учитывать, что в статье «Логика и металогики» Васильев трактует противоречие, реальную несовместимость как онтологическое основание для отрицания в рамках земной эмпирической логики: «Ни простое различие, ни простое отсутствие признака не могут быть основаниями отрицания; во всех случаях логически обоснованного отрицательного суждения основанием является несовместимость. Только через утверждение исключаящего признака приходим мы к отрицанию исключаемого признака. Единственным основанием отрицания, а, следовательно, и закона противоречия является несовместимость. Несовместимость признаков эмпирична, поэтому эмпиричен и закон противоречия» [12].

Как представляется, Васильев смог разработать принципиально новую трактовку формы диалектического, т.е. связанного с объективной реальностью, противоречия как небытия, являющегося отрицательной частью сущего, сосредоточенной в действующем субъекте. Заканчивает ста-

тью Васильев общегносеологической трактовкой природы логического знания: «Познание есть взаимодействие среды и человека, познаваемого и познающего, и это отразилось на нашей логике. Отсюда ее двойственный характер. От познающего – ее металогические формальные элементы, от познаваемого – материальные, эмпиричные. Конгломератом того и другого, чистой логики и естественной науки, является наша логика, и этот двойственный характер есть одна из самых характерных ее черт... Наша эмпирическая логика характеризуется делением суждений на утвердительные и отрицательные. Обычно считается, что это деление – последнее для логики, что выйти из него нельзя, что понятия утверждения и отрицания соотносительны, что каждое утверждение предполагает отрицание, а каждое отрицание предполагает утверждение... Чудовищной, наверно, покажется таким логикам самая мысль о логике, в которой нет отрицательных суждений. Между тем мы будем защищать эту мысль» [12].

Идея металогики как логики, свободной от отрицательных суждений и вместе с тем от неотделимо с ними связанных противоречий, конечно, задает им иной статус, нежели в ортодоксально марксистской или гегельянской их трактовке. Но, быть может, это является не минусом, а плюсом онтологической интуиции Васильева? Тем самым становится возможной трактовка небытия как деятельной субъективной антиномии, как важной части, но не более, чем дополнения к бытию.

Такое понимание, к примеру, существенно отличается от трактовки небытия как Ночи в философии немецкого романтизма, которая рассматривалась его наиболее ярким представителем Новалисом не только как нечто равноправное со Светом дня бытия, но даже как более фундаментальное, сущностное, во многом иррациональное начало, оказавшая серьезное влияние на Гегеля. С.В. Кудряшов, анализируя «Гимны к ночи», приходит к выводу, что «ночь Новалиса может превратиться в ад, а может – в рай. Все зависит от свободной воли того, кто, находясь в плену смутных представлений, ищет для себя то, что чувствует и желает его душа... И здесь свет выступает уже не как метафора рая, а как основа видимой земной жизни, в которой не может быть ничего негативного. А тьма, ночь становятся даже не оборотной стороной этого земного позитива, а самой его сутью, в которой прослеживаются недостижимые для романтиков идеалы, альтернативные идеалам того же Просвещения» [6].

Основное отличие понимания небытия Васильевым от романтического, как представляется, сводится к двум важным моментам: небытие не-самостоятельно, несубстанциально и оно не является чем-то индивидуализированным, частным. Тем более, что логика Васильева предполагает отказ от частных суждений, точнее, трактует их как эмпирические элементы мышления. Иными словами, Васильев решительно отказывается от отождествления бытия и небытия, от субстанциализации последнего.

Вместе с тем, концепция Васильева противоположна и дохристианскому античному строгому противопоставлению сущего и небытия (и в версии атомизма, отождествлявшего небытие с пустотой, и в перипатетической традиции, настаивавшей на пространственно ограниченной небытием Вселенной). На наш взгляд, она является своего рода синтезом этих двух концепций, или, по крайней мере, дает возможность такого синтеза.

Таким образом, Васильева едва ли следует упрекать в плохом понимании идей «великого Гегеля»: он и не ставил перед собой задачи следовать академическому мейнстриму немецкой философии после Канта, оказавшемуся, впрочем, весьма недолговечным. Васильев задавал собственную и, возможно, аутентично русскую духовную реальность, более простую и глубокую в сравнении с условной «Феноменологией духа». В поиске нового логического органа Васильев придает и новую роль антиномиям Канта: они предстают не в опостылевшей форме границ познания, а являются своего рода проводниками, или, говоря словами Ньютона, чувствилищем знания трансцендентного. Новая силлогистика, предложенная Васильевым, также явилась своего рода *manual*'ом – руководством для получения априорных синтетических суждений.

Навязчивая идея философии Нового времени, начиная, по крайней мере, с Р. Декарта, – идея нового органа познания, быть может, нашла наиболее органичное воплощение не в гегелевской диалектике, как утверждалось в постсталинской советской ревизии оснований марксизма, а в воображаемой логике Васильева, поскольку здесь явно просматривается возможность нетривиальной этической рефлексии. Изначально замысел был ориентирован на осмысление геометрии Н.И. Лобачевского и теории относительности А. Эйнштейна. Аристотель в начале XX в., конечно, не мог не казаться окончательно преодоленным, что едва ли было оправданным [4]. Впрочем, критику Аристотеля Васильевым следует признать имманентной, развивающей те же принципы и идеи, которым следовал или же к которым был близок Стагирит.

Так же, как и Аристотель в «Физике», Васильев пытается отделять эмпирическое и рациональное в логической науке, при этом, естественно, исходя из принципа пространственно бесконечного мира. Именно принятие идеи актуальной бесконечности, с которой решительно боролся автор «Физики», не могло не ставить по-новому проблему возникновения и уничтожения вещей и, соответственно, проблему статуса небытия. Для Аристотеля, с его релятивистским, вещественным пониманием пустоты, в его окруженной ничем (т.е. небытием) и ограниченной в пространстве Вселенной эти процессы были связаны воедино: «А не потому ли изменение [одной вещи в другую] необходимо бывает нескончаемым, что уничтожение одного есть возникновение другого и возникновение одного – уничтожение другого? В этом и следует полагать достаточную для всех причину, одинаково [объясняющую] возникновение и уничтожение любой вещи» [10, с. 391].

Причины уничтожения у Аристотеля, таким образом, носят характер аксиоматически-трансцендентный, не всегда зависящий от поведения людей, их правильных поступков и преступлений. Этика декартова бесконечного мира, которую развивает Васильев, основывается на принципиально ином постулате: первостепенное значение приобретает несамопротиворечивость агентов деятельности, их объективная цельность, а также внутренняя уверенность в себе. Небытие же тем самым прочно связывается с противоречивостью. Что касается сводов этических законов, то они могут быть разными в разных эмпирических мирах; позднее эту идею будет отстаивать М. Мамардашвили [7]. Однако, по Васильеву,

и здесь есть место для таинственной всеобщей металогики, для принципа несамопротиворечивости, а это значит, что произвол, или хаос, отнюдь не торжествует во Вселенной.

Получается, что вселенная Васильева справедливее Аристотелевой, несмотря на то, что это совсем не очевидно. Если, как отмечал В.П. Горан [3, с. 110–121], анализ притчи «Лысый, орел и черепаха» Аристотеля позволял прийти к выводу, что смерть убежавшего от наказания лысого человека была закономерной в силу факта преступления, то трактовка диалектики возникновения и уничтожения, по сути, мифологическая, близкая к кармическим представлениям, предлагает иное, не связанное с этикой и моралью решение. Конечно, концепция Васильева требует пересмотра и развития базового для философии понятия субъекта, поскольку требование несамопротиворечивости предъявляется именно к нему.

Едва ли случайна созвучность – и даже где-то тождественность – XX столетия лейтмотиву логики Васильева: фактический отказ от частности, его стремительная трансформация в общее. Социально-политические, экономические реалии СССР в значительной степени как-то были связаны с творчеством Николая Александровича, но оно не имело шанса быть адекватно, не как нечто болезненное, воспринятым в стране победившего объективистско-материалистического миропонимания. К сожалению, наступивший коллапс советской системы здесь тоже мало что изменил.

Впрочем, представляется очевидной созвучность идей Васильева русскому космизму, особенно творчеству К.Э. Циолковского [2], традициям школы аналитического искусства П.Н. Филонова, что дает хорошую основу для постепенного формирования основ самобытной отечественной философской традиции. Остается надеяться лишь на то, что в современной политической рефлексии концепция воображаемой логики Васильева будет интересна для формирования как идеологии российского консерватизма, так и послужит неким духовным ориентиром лагерю противоположному. В полном соответствии с принципами и силлогизмами открытого им нового органона, так и не сумевшего перевоплотиться в тело диалектической логики: консервативно и вместе с тем революционно.

Литература

Исследования

1. Ахутин А.В. Тяжба о Бытии: сборник философских работ. М.: Русское феноменологическое об-во, 1997.
2. Блискавицкий А.А. Значение страдания в учении К.Э.Циолковского. URL: <https://readings.gmik.ru/lecture/2017-ZNACHENIE-STRADANIYA-V-UCHENII-KE-TSIOLKOVSKOGO>.
3. Горан В.П. Необходимость и случайность в философии Демокрита. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984.
4. Дитятев Г.Г. Античная гравитация декартовой частицы. URL: https://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2000/2000_04.htm.
5. Копнин П.В. Диалектика, логика, наука. М.: Наука, 1973.
6. Кудряшов С.В. «Гимны к ночи» Новалиса в контексте христианского учения о рае и аде. URL: <https://teolog.info/culturology/gimny-k-nochi-novalisa-v-kontekste-khr>.

7. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности, Тбилиси: Мецниереба, 1984.
8. Мотрошилова Н.В. «Воображаемая логика» Н.А.Васильева и вклад В.А. Смирнова в ее исследование. URL: https://iphras.ru/elib/Ph_csc4_19.html.
9. Прядко И.П. Исторические воззрения Н.А. Васильева в контексте Серебряного века и в свете традиции восточно-христианской. URL: <https://www.dissercat.com/content/istoriosofskie-vozzreniya-na-vasileva-v-kontekste-serebryanogo-veka-i-v-svete-traditsii-vost>.

Источники

10. Аристотель. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981.
11. Васильев Н.А. Воображаемая логика. Избр. труды. М.: Наука, 1989.
12. Васильев Николай Александрович // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01fe130c865a9eb3a72b1bfd>.
13. Васильев Николай Александрович // Электронная энциклопедия и библиотека Руниверс. URL: <https://runivers.ru/philosophy/lib/authors/author125340>.
14. Новалис. Гимны к ночи. URL: <https://www.lib.ru/INOOLD/WORLD/nowalis.txt>.

Dityatev, Grigory G. *Nikolai Vasilyev's litigation about non-being*

References

1. Akhutin, A.V. (1997), *Tyazhba o Bytii: sbornik filosofskikh rabot* [Litigation About Being: A Collection of Philosophical Works], Russian Phenomenological Society, Moscow (in Russian).
2. Bliskavitsky, A.A., *The meaning of suffering in the teachings of K.E. Tsiolkovsky*, URL: <https://readings.gmik.ru/lecture/2017-ZNACHENIE-STRADANIYA-V-UCHENIIKE-TSIOLKOVSKOGO> (in Russian).
3. Goran, V.P. (1984), *Neobkhodimost i sluchaynost v filosofii Demokrita* [Necessity and Randomness in the Philosophy of Democritus], Nauka, Siberian Branch, Novosibirsk (in Russian).
4. Dityatev, G.G., *Antique gravity of a Cartesian particle*, URL: https://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2000/2000_04.htm (in Russian).
5. Koptin, P.V. (1973), *Dialektika, logika, nauka* [Dialectics, Logic, Science], Nauka, Moscow (in Russian).
6. Kudryashov, S.V., *"Hymns to the Night" by Novalis in the context of the Christian doctrine of paradise and hell*, URL: <https://teolog.info/culturology/gimny-k-nochi-novalisa-v-kontekste-khr> (in Russian).
7. Mamardashvili, M.K. (1984), *Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsionalnosti* [Classical and Non-classical Ideals of Rationality], Metsniereba, Tbilisi (in Russian).
8. Motroshilova, N.V., *"Imaginary logic" by N.A. Vasiliev and the contribution of V.A. Smirnov to its research*, URL: https://iphras.ru/elib/Ph_csc4_19.html (in Russian).
9. Pryadko, I.P., *Historiosophical views of N.A. Vasiliev in the context of the Silver Age and in the light of the East Christian tradition*, URL: <https://www.dissercat.com/content/istoriosofskie-vozzreniya-na-vasileva-v-kontekste-serebryanogo-veka-i-v-svete-traditsii-vost> (in Russian).